

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Игорь Анатольевич ТОЛСТОКУЛАКОВ,
кандидат исторических наук

На фоне мощной волны политических трансформаций, охватившей во второй половине XX в. большинство авторитарных и тоталитарных режимов планеты, существенно изменился баланс авторитарных и демократических форм власти. Основным итогом глобальных и локальных политических процессов стал переход многих общественно-политических систем Азии, Африки и Латинской Америки на путь демократического транзита. В результате демократическое общественное устройство стало достоянием миллионов людей. Однако наступление нового тысячелетия не ознаменовалось его глобальным торжеством на Востоке, где в ряде стран по-прежнему сохраняются авторитарные структуры и усиливается давление традиционалистов, готовых не только отстаивать привычный социально-политический уклад с оружием в руках, но и навязывать свои убеждения всему человечеству.

На современной карте мира демократических режимов гораздо больше, чем когда-либо в прошлом, что позволяет многим политологам по-прежнему признавать демократию в качестве «интерконтинентальной политической парадигмы»¹. В то же время ряд исследователей и политиков-практиков, опираясь на опыт последних лет и данные ряда межстрановых социологических опросов, делают вывод о нарастающем недоверии граждан к основным демократическим институтам². Даже в странах, где демократия становится явлением глобального масштаба, наблюдается своеобразная «эрозия веры»³ в демократическую идею.

Такая ситуация заставляет обращаться к проблемам демократии как типу политического режима, переосмысливать её современное состояние и перспективы в странах, находящихся на разных этапах демократического строительства. В современном мире прежнее содержание понятия «демократия» сохраняется как фундаментальный принцип народовластия, но государственные и политические структуры, равно как и система плюралистической организации общества или особый тип политического мировоззрения и политической культуры представляют динамично развивающийся во времени и пространстве общественно-политический процесс. По этой причине источник жизненной силы демократии зависит от постоянного переосмысления её теоретических основ и конкретной практики, причем это необходимо как для «старых» демократий западного типа, так и для относительно недавно сложившихся демократических режимов Азии, Африки и Латинской Америки.

Различные политические условия и структурные процессы обеспечивают некоторым развивающимся демократиям экономической и социальной подъем, позволяют преодолеть отсталость, обеспечивают подлинный национальный суверенитет, другим — создают непреодолимые препятствия на пути дальнейшей политической трансформации или ставят в прямую зависимость от «старших» партнёров. Далеко не все страны, пытавшиеся перейти от авторитаризма к демократии, смогли выработать эффективную социально-экономическую и политическую стратегию, чтобы стимулировать рост благосостояния граждан и укрепить веру народа в справедливость избранного пути. Формального достижения общественного устройства оказывается недостаточно для окончательного торжества демократии. Необходимы существенные корреляции между способом организации власти и подлинным содержанием вовлеченных в него структур: государственных, экономических, общественно-политических, социальных и т.д.

Демократия в условиях политической системы неевропейского типа имеет перспективу только в том случае, когда она подкреплена, с одной стороны, определенным общественно-политическим субъектом, социальными агентами, с другой — соответственной политикой и экономической базой. Очевидно, что одновременно такие структурные элементы не возникают сами по себе. Субъект демократического процесса должен приложить немало усилий для их формирования, а это сложный и часто длительный по времени процесс эволюции, который в условиях посттрадиционного общества принимает характер политической модернизации.

Весьма показателен пример политической трансформации южнокорейского общества, получившего возможность перейти от авторитарного строя к демократической модели только в конце XX в. Демократический транзит Республики Корея (далее РК) оказался наиболее результативным и достаточно быстрым, если принять во внимание её принадлежность к так называемой «третьей волне» демократизации и начало демократического процесса в середине 1980-х годов. На это указывают многие специалисты, подчеркивая «удивительно быстрое превращение истощенного... долгими годами военной диктатуры государства в жизнестойкую демократию»⁴. Однако скоротечность и легкость перехода Южной Кореи от военно-бюрократического режима к демократии в 1987—1988 гг. не могут затенять тот сложный исторический путь, которым южнокорейское общество шло на протяжении всего XX в.

Политическая модернизация РК оказалась успешной не вопреки, а благодаря длительному существованию диктатуры, обеспечившей ей прочный социально-экономический фундамент. Во второй половине прошлого столетия корейская нация последовательно решала задачи экономической, социальной и, наконец, политической модернизации. Последняя началась на фоне хозяйственного подъема, обеспечившего достаточно высокий уровень жизни населения, при отлаженной системе взаимоотношений государства и деловых кругов. Южнокорейский опыт доказывает, что успех демократического транзита во многом зависит от социально-экономических факторов, свидетельствует, что динамика и баланс авторитарных и демократических начал напрямую зависят от исходных условий политической модернизации и национальной специфики.

Внимание российских исследователей к специфике южнокорейского демократического транзита во многом объясняется существованием в политической культуре двух стран особой тяги к «сильному» национальному государству, что отражается на текущем внутривнутриполитическом процессе и сохранении некоторых черт, сложившихся на предыдущей авторитарной стадии развития.

Одно из явно выраженных наследий авторитарной эпохи в современной политической системе РК — специфическое законодательство в сфере национальной безопасности. Оно включает несколько законов, главную роль среди которых играют Закон о национальной безопасности⁵, принятый 19 января 1949 г., а также два «специальных уголовных закона» — Закон о надзоре в сфере безопасности⁶ и Закон о поддержании общественного порядка⁷.

Подъем общенационального демократического движения в июне 1987 г.⁸ обернулся крушением авторитарного режима III—V Республик⁹ и открыл Южнокорейскому государству путь к значительным политическим преобразованиям. В условиях предшествовавшей авторитарной системы Конституционный акт о гражданских правах был просто формальностью, а уголовное и уголовно-процессуальное законодательство служило инструментом для поддержания диктатуры и подавления диссидентов.

Демократизация обернулась существенным изменением уголовного и уголовно-процессуального законодательства РК, напрямую связанного с вопросами национальной безопасности¹⁰. Уголовное законодательство Южной Кореи, составной элемент которого — Закон о национальной безопасности, было одним из символов авторитаризма. Власти успешно использовали его для поддержания контроля над народом и подавления оппозиционных настроений. С этой целью применялась практика так называемых «специальных уголовных законов». Это законодательные акты, дополняющие действующий Уголовный кодекс РК (далее — УК)¹¹; в отличие от «специальных уголовных законов» УК в южнокорейской юридической практике именуется «общим уголовным законом».

Одним из важных направлений деятельности Национального собрания РК в условиях развивающегося демократического процесса стала ревизия законодательной базы страны, в том числе уголовных законов. С этой целью в 1988 г. была создана специальная парламентская Комиссия по пересмотру и отмене законов, препятствующих продвижению демократии. Главная задача вновь сформированной структуры заключалась в пересмотре и отмене тех законов, которые посягали на фундаментальные гражданские права и вступили в противоречие с новой редакцией конституции, принятой в 1987 г. В результате работы комиссии некоторые «специальные уголовные законы» были отменены или существенно исправлены.

Для понимания специфики современного законодательства в сфере национальной безопасности необходимо уяснить, что удалось изменить в уголовных законах Южной Кореи в ходе демократических преобразований 1987—2000-х годов и что сохранилось со времен авторитаризма. Особого внимания заслуживают три главных «специальных уголовных закона», вызывающие максимальный общественный резонанс: Закон о национальной безопасности (ЗНБ), Закон о надзоре в сфере безопасности (ЗНСБ) и Закон о поддержании общественного порядка (ЗПОП).

Перспективы демократизации законодательства в сфере национальной безопасности. Действующие в настоящее время три закона логически взаимосвязаны и наделены некоторым свойством взаимной иерархии. ЗНСБ и ЗПОП являются производными Закона о национальной безопасности, поскольку они определяют конкретные меры воздействия на его нарушителей, а также обеспечивают определенную систему профилактики. Иначе говоря, правоприменительная практика ЗНСБ и ЗПОП основана на положениях ЗНБ. Исходя из этого, основное внимание и негодование демократической общественности Южной Кореи привлечено к сохранению последнего не просто как одного из многих юридических актов страны, но в качестве принципиальной основы политической системы VI Республики, определяющей особенности её внутривластного режима.

С осени 2004 г. ЗНБ не перестает быть повседневной проблемой страны, поскольку ЗНБ не теряет значения одного из базовых законов РК и часто применяется властями для подавления критики её современной политической системы. Напомним, что ЗНБ был принят при Ли Сынмане в условиях нарастающих авторитарных тенденций, с 19 января 1949 г. он твердо стоит на страже последовательно сменявших друг друга режимов. Сегодня его принципиальные положения выглядят явным наследием авторитарной системы, на что не устают указывать критики закона, к числу которых принадлежат и левые силы, и либеральные политики, и даже сторонники консервативного курса.

24 августа 2004 г. Национальная комиссия по правам человека РК выступила с рекомендацией отменить ЗНБ. Это стало важной вехой в его судьбе, поскольку до сих пор ни одно из правительственных учреждений не выдвигало столь кардинального предложения в сфере национальной безопасности. Главная претензия к закону со стороны комиссии заключалась в том, что он исходит из определения КНДР как «антигосударственной организации» и объявляет антикоммунизм в качестве официальной идеологической доктрины Южнокорейского государства. Это означает, что любая деятельность, прямо или косвенно помогающая КНДР, «восхваляющая» северокорейские реалии, направленная на установление контактов с государственными, партийными или общественно-политическими организациями Северной Кореи, а также связанная с пропагандой коммунистических или социалистических идей, влечет за собой уголовное преследование. Наказания за подобного рода преступные деяния предусмотрены как самим ЗНБ, так и его продолжением в лице ЗНСБ и ЗПОП.

Сегодняшние критики законодательства в сфере национальной безопасности указывают на две основные проблемы, давно сделавшие его очевидным анахронизмом:

- во-первых, ЗНБ систематически использовался южнокорейскими властями для подавления внутренней оппозиции, до середины 1990-х годов за его нарушение сажали в тюрьму даже организаторов обычных забастовок с явным экономическим характером (по логике властей, любое нарушение и тем более остановка производства ослабляют южнокорейскую экономику и служат интересам КНДР);
- во-вторых, «специальные уголовные законы» существенно ограничивают современную политико-правовую сферу РК — свободу слова,

собрания, политических убеждений и другие гражданские права — поскольку трактуют любое положительное высказывание о КНДР или коммунистической идеологии как уголовнонаказуемое деяние.

До недавнего времени южнокорейские власти постоянно прибегали к расширенному толкованию ЗНБ, что позволяло привлекать к уголовной ответственности и мерам профилактического воздействия неугодных представителей гражданского общества. Если отнестись к букве и духу ЗНБ формально, то самым вопиющим нарушением закона, несомненно, следует признать визит президента РК Ким Тэджун в Пхеньян и его личные контакты с высшим руководством «антигосударственной организации» — КНДР. Однако бывший глава государства снискал лавры национального героя и удостоился высшей оценки международного сообщества — Нобелевской премии Мира. В то же время десятки (а возможно, и сотни) рядовых граждан находятся в заключении или страдают от иных способов ограничения прав всего лишь за неосторожное высказывание или участие в протестной акции, организаторы которой оказались виновными в симпатиях по отношению к Северной Корее или коммунистической идеологии...

Главное обвинение в адрес ЗНБ и других «специальных уголовных законов» заключается в том, что в условиях развития в РК всесторонних контактов и сотрудничества с КНДР они выглядят явным анахронизмом. Критики ЗНБ не устают подчеркивать, что преследованию за его нарушение должно подлежать нынешнее руководство в Сеуле (за измену интересам Южнокорейского государства и откровенное содействие враждебной силе, незаконные вооруженные формирования которой временно контролируют северные провинции РК).

Призывая отменить устаревшее законодательство, Национальная комиссия по правам человека сделала ряд оговорок с явной целью успокоить противников столь кардинального изменения привычных политических основ. В высказываниях некоторых членов комиссии и даже в её официальном заключении признается, что Пхеньян продолжает вести подрывную и шпионскую деятельность против РК и в этом смысле несет угрозу Южнокорейскому государству, однако для борьбы с северокорейскими террористами и агентами достаточно обычных норм УК. В связи с этим необходимость в «специальных уголовных законах», основанных на ЗНБ, отпадает, тем более что они на практике использовались в большей мере как «внутренний» инструмент для воздействия на собственных граждан и политическую оппозицию¹².

Подобная точка зрения в отношении законодательства в сфере национальной безопасности высказывалась многими прогрессивными политиками и общественными деятелями РК с середины 1990-х годов. В связи с этим в 1994—1995 гг. администрация президента Ким Ёнсама провела ограниченную ревизию «специальных уголовных законов», некоторые коррективы были внесены и в ЗНБ. Однако в 2004 г. ситуация принципиально изменилась: критика в адрес ЗНБ прозвучала по инициативе официальной структуры, созданной при южнокорейском правительстве и действующей от его имени. Рекомендацию Национальной комиссии по правам человека можно расценить как первый, осторожный формальный шаг администрации Но Мухёна по пути коренной перестройки политической

системы VI Республики. В соответствии с регламентом комиссии она была передана спикеру Национального собрания и министру юстиции. На наш взгляд, президент решил проверить реакцию различных политических сил, в том числе парламентской оппозиции, на возможность реформирования основ современного Южнокорейского государства. Напомним, что Но Мухён открыто признал необходимость либерализовать законодательство в сфере национальной безопасности ещё в ходе своей предвыборной кампании осенью 2002 г.

Действия правозащитных сил вызвали недовольство консервативно настроенных политиков из оппозиционного и даже правящего лагерей; многие представители «старого поколения» в политическом истеблишменте Южной Кореи выступают за сохранение ЗНБ как инструмента для сдерживания северокорейской угрозы. Тем не менее им не удалось создать «единого фронта», чтобы спасти законодательство в сфере национальной безопасности, его сторонники разошлись во мнениях относительно дальнейшей судьбы трёх «специальных уголовных законов». Наиболее «прогрессивная» часть консерваторов согласилась с необходимостью поправок, исключающих использование ЗНБ, основанное на правоприменительной практике с нарушением общегражданских свобод. По этому вопросу не было единства и среди инициаторов резолюции: восемь из десяти членов Национальной комиссии по правам человека высказались за полную отмену закона, а оставшиеся двое настаивали лишь на его «модернизации»¹³.

Возможность очередной ревизии ЗНБ без его полной отмены поддержало руководство оппозиционной Великой национальной партии (ВНП, *Ханнарадань*), всегда выступавшей против упразднения закона. Тогдашний председатель ВНП Пак Кынхе в пространном комментарии по поводу рекомендации Национальной комиссии по правам человека подчеркнула, что она лично и её партия выступают за сохранение ЗНБ, а «...если в нем и есть что-то плохое, достаточно будет это плохое удалить»¹⁴. В рядах президентской Открытой национальной партии (ОНП, *Ёллин уридань*) постоянных оппонентов поддержали некоторые представители старшего поколения, например бывший министр обороны и член центрального руководства ОНП Чо Сонтхэ, подвергший рекомендацию комиссии резкой критике и объявивший, что отмена ЗНБ играет на руку лишь Пхеньяну. Оппозиция получила поддержку и со стороны судебной власти: в начале сентября Конституционный и Верховный суды, рассмотрев очередные апелляции, вновь подтвердили справедливость всех приговоров, вынесенных на основании ЗНБ. Более того, консервативный Верховный суд обратился с «советом» в адрес всех политиков оставить закон в покое.

Молодёжь и реформаторы двух ведущих партий, напротив, с воодушевлением поддержали решение правозащитной организации, их общая позиция была высказана депутатом парламента от ОНП Ю Сынхи, заявившей, что «рекомендация Национальной комиссии по правам человека может развитию демократии в нашей стране»¹⁵.

Консерваторам достаточно сложно отстаивать свою точку зрения в партийных организациях и в парламенте, но ещё большими осложнениями грозит потеря авторитета в глазах общественного мнения страны; симпатии большинства южных корейцев на стороне противников ЗНБ. Откры-

тые публичные дебаты о его судьбе начались в 1997 г. с приходом к власти Ким Тэджун, неоднократно становившегося объектом преследования за нарушение ЗНБ. В 1980 г. он на основании данного закона был приговорен к смертной казни и дождался окончательной отмены этого судебного решения только в январе 2004 г. Столь долгий процесс реабилитации бывшего преступника и президента — яркое свидетельство анахронизма ЗНБ. Эта точка зрения постоянно тиражируется многими южнокорейскими СМИ, поддерживающими намерение администрации Но Мухёна упразднить или, по крайней мере, существенно модернизировать закон.

Против сохранения ЗНБ работает личный опыт многих руководящих деятелей правящей партии. Ким Тэджун не единственная его жертва, среди пострадавших от закона немало тех, кто сейчас занимает ключевые посты в государстве и президентской партии. Так, бывший председатель *Ёллин уриданъ* Ли Буён пять раз арестовывался за нарушение ЗНБ; бывшего министра здравоохранения и соцобеспечения и нынешнего председателя ОНП Ким Кынтхэ арестовывали дважды, причем последний раз — в 1991 г. В тюрьме он подвергался жестоким пыткам. В конце августа — начале сентября 2004 г. в Корее не было ни одной крупной газеты или телевизионного канала, не напомнившего публике об этой трагедии. Особо подчеркивалось, что при пытках Ким Кынтхэ в 1985 г. лично присутствовал депутат нынешнего парламента от *Ханнараданъ* Чон Хёнгын, руководивший тогда отделом разведки и выявления северокорейских шпионов. По непроверенным данным до трети депутатов нынешнего состава Национального собрания привлекались в молодости к ответственности за участие в антиправительственных акциях¹⁶.

Против сохранения ЗНБ в каком бы то ни было виде выступают радикальные студенческие и молодежные организации Южной Кореи, у многих имеется «личный счет» к закону. И сегодня прокуратура и следственные органы прибегают к ЗНБ и выдают ордера на арест десятков студенческих активистов за одну лишь их принадлежность к Корейской федерации студенческих союзов (КФСС, *Ханчхонрёнь*), объединяющей ряд студенческих организаций и не скрывающей симпатии к КНДР. На этом основании власти запрещают деятельность КФСС и преследуют её за нарушение ЗНБ. Только в течение 2003 г. было арестовано 78 активистов и рядовых членов *Ханчхонрёнь*. При администрации Ким Тэджуна преследованиям подвергались в среднем 410 студентов ежегодно¹⁷. ЗНБ дает основания не только для изоляции студенческих лидеров, правоохранные органы имеют практически неограниченные полномочия в поиске шпионов и диверсантов, но чаще действия в рамках закона выглядят как преследование диссидентов и любого инакомыслия.

Осенью 2004 г. достоянием гласности стала судьба университетского преподавателя Ан Догёна. 8 мая 2002 г. его арестовали по «простому подозрению» в нарушении ЗНБ — его частые визиты в Японию, где он мог иметь контакты с «просеверокорейски настроенными соотечественниками». Суд приговорил Ан Догёна к трём годам тюрьмы условно, но вышестоящая апелляция отменила приговор и полностью оправдал преподавателя. Однако за два года разбирательств Ан потерял работу и семью, жена заявила: «...я не могу жить с человеком, на котором лежит клеймо северокорейского шпиона»¹⁸.

В условиях развивающегося демократического процесса в публичное обсуждение законодательства в сфере национальной безопасности напрямую и открыто вмешался президент. 5 сентября 2004 г. Но Мухён в эфире общенационального телевизионного канала МВС высказал личную точку зрения: «Закон о национальной безопасности использовался, главным образом, для преследования противников правительства и критиков его действий, а не против тех, кто реально угрожал стране. Нередкими были ужасающие нарушения гражданских и гуманитарных прав, бесчеловечные действия служителей закона. Данный закон — часть позорной истории Кореи и пережиток диктаторского режима, применять его далее было бы ошибочно... Если мы собираемся прийти к подлинному народовластию, уважению прав человека, цивилизованному обществу, не следует ли нам избавиться от пережитков прошлого?»¹⁹

Выступление Но Мухёна имело широкий общественный резонанс и прибавило надежд противникам ЗНБ. Решение о его дальнейшей судьбе было принято специальным парламентским комитетом по вопросам национальной безопасности в декабре 2004 г. На этот раз особенности внутрипарламентской процедуры позволили консерваторам «спасти» ЗНБ.

Тем не менее Национальная комиссия по правам человека свою задачу выполнила, инициировав в обществе и политических кругах острую полемику и рекомендовав Национальному собранию и министерству юстиции отменить пресловутый закон. Через некоторое время противники продолжения демократических реформ отомстили главному правозащитному учреждению страны, предприняв массированные попытки изменить регламент Национальной комиссии по правам человека, утвержденный парламентом в 2001 г.²⁰ Результатом давления на либеральный орган со стороны консервативных кругов стала отставка председателя комиссии Ким Чхангука в начале октября 2006 г.

Ограничение политической свободы в Южной Корее законодательно обусловлено действием ЗНБ, признающего любую коммунистическую или социалистическую деятельность, а также организации левого или просеверокорейского толка преступной и подлежащей уголовному преследованию. На основании ЗНБ в 1989 г. был репрессирован христианский священник Мун Икхван за не санкционированный властями переход демаркационной линии между Северной и Южной Кореей, а в 1995 г. — его жена, посетившая мавзолей Ким Ирсена без соответствующих разрешений.

Президент Ким Ёнсам, нацелившись на существенное реформирование внутривластной сферы Южной Кореи, в ответ на согласие политических партнеров и нейтральную позицию противников вынужден был идти на уступки правому консервативному крылу, в частности на устранение армейских представителей из всех властных структур, что сопровождалось незначительной ревизией ЗНБ, поскольку его кардинальный пересмотр в тот момент связывался с проявлением радикальных левых настроений. Определение КНДР в качестве антигосударственной и преступной организации в новой редакции ЗНБ сохранилось, остались без изменения признаки состава преступлений.

Использовали ЗНБ не только авторитарные силы, но и демократические власти: при Ким Тэджуне, когда президентской администрации при-

ходилось работать в кризисных условиях 1998—1999 гг., для поддержания экономической стабильности и пресечения забастовочной деятельности применялось расширенное толкование закона в хозяйственной сфере. Одним из наиболее спорных его моментов является формулировка о «деятельности в интересах враждебной организации» (читай КНДР. — И.Т.), расплывчатость данной далеко не юридической дефиниции позволяет расширить её правоприменительную практику, т.е. привлечь к уголовной ответственности не только тех, кто «хранит, тиражирует или распространяет подрывные материалы», но и участвует в организации и проведении забастовок на различных экономических объектах, поскольку они подрывают национальное хозяйство и, значит, служат интересам врага. Некоторые исследователи утверждают, что в 1998—2000 гг. число осужденных на основании ЗНБ значительно превышало показатели 1992—1997 гг., однако официальная статистика, подготовленная Верховным судом РК и представленная в парламент в середине августа 2001 г., этого не подтверждает (см. табл. 1—2).

Таблица 1

**Данные о привлечении граждан РК к ответственности на основании ЗНБ
в период демократического транзита (1988—02. 2003 г.)²¹**

Период	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Число привлеченных к ответственности за нарушение ЗНБ	104	312	414	357	342	112	393	285	499
Инкриминированный состав преступления	более 90% задержанных лиц подвергались преследованию на основании ЗНБ за позитивные высказывания в адрес КНДР								

Период	1997	1998	1999	2000	2001	2002	01—02.2003	Всего
Число привлеченных к ответственности за нарушение ЗНБ	677	412	288	128	118	126	9	4 576
Инкриминированный состав преступления	более 90% задержанных лиц подвергались преследованию на основании ЗНБ за позитивные высказывания в адрес КНДР							

Таблица 2

**Сводные данные о привлечении граждан РК к ответственности на основании ЗНБ
в период демократического транзита (1988—02. 2003 г.)²²**

Администрации	Период	Число привлеченных к ответственности
президента Ро Дэу	1988—1992 г.	1 529
президента Ким Ёнсама	1993—02.1998 г.	1 989
президента Ким Тэджуна	03.1998—02.2003 г.	1 058
Всего		4 576

Сохраняется значение ЗНБ как средства антикоммунистического идеологического барьера. И сегодня сторонники марксистско-ленинского учения (даже в его классическом, а не «чучхейском» варианте) не имеют возможности открыто заявлять и тем более пропагандировать свои убеждения. В 2001 г. широкий общественный резонанс получил инцидент с 19-летним учащимся одной из сеульских средних школ повышенной ступени (южнокорейские СМИ в тот момент строго соблюдали

анонимность информации, связанной с судебным преследованием несовершеннолетних), вина которого заключалась в создании домашней странички в Интернете, посвященной КНДР и коммунистической доктрине. Через несколько дней её закрыли, а автор был привлечен к уголовной ответственности за прокоммунистическую агитацию, получив достаточно мягкий для правоприменения ЗНБ приговор — год тюремного заключения. После этого демократически настроенная общественность и пресса Южной Кореи упрекала власти в охоте за ведьмами и сравнивала президента Ким Тэджуну с американскими маккартистами²³.

Ещё более вопиющий случай применения ЗНБ для сведения счетов с политическими оппонентами произошел при Но Мухёне, когда власти Южной Кореи пригласили видного диссидента Сон Дуюля возвратиться из эмиграции на родину, пообещав полную неприкосновенность в условиях демократической системы. В середине 1960-х годов он вынужден был перебраться в ФРГ, где получил немецкое гражданство и сделал удачную университетскую карьеру, став профессором социологии. За эти годы Сон Дуюль неоднократно посещал Пхеньян и сблизился со многими представителями высшего руководства КНДР.

Зная об этом, правительство РК сочло возможным принять бывшего противника авторитаризма, в конце сентября 2003 г. ему устроили помпезную встречу, предоставили хорошие условия для жизни и работы. Однако через месяц после возвращения в Сеул Сон Дуюль был арестован. Основанием для привлечения диссидента к суровой уголовной ответственности за нарушение пресловутого ЗНБ стали показания высокопоставленного северокорейского перебежчика Хван Чанопы, утверждавшего, что Сон Дуюль был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ТПК. Одним из доказательств вины стали фотографии Сон Дуюля с Ким Ирсеном и Ким Чениром²⁴. Во время следствия и судебного процесса профессора пытались представить как лидера южнокорейских коммунистических и террористических организаций. Разбирательство длилось несколько месяцев и закончилось 9 марта 2004 г., Сон Дуюль был приговорен к семи годам тюремного заключения за открытое проявление симпатий в отношении КНДР и несанкционированные южнокорейскими властями неоднократные поездки в Пхеньян²⁵.

Одним из последних применений ЗНБ в отношении граждан РК стал арест 26 октября 2006 г. двух функционеров Демократической рабочей партии (ДРП, *Минджу нодоньдань*) Ли Джонхуна (бывшего члена ЦК ДРП) и Чхве Гиёна (заместителя генерального секретаря ДРП). Кроме них задержаны два южнокорейских бизнесмена (Сон Джумок и Ли Джинган) и один американский (Чан Минхо, или Майкл Чанг). Первоначально их обвиняли в «установлении и поддержании незаконных контактов с высокопоставленными деятелями из политического и военного руководства КНДР»²⁶, но перечень преступных деяний существенно расширился: задержанным инкриминировали «создание сети нелегальных групп по изучению идей *чучхе*, охватившей не менее 20 активистов», «регулярное получение северокорейских инструкций во время частных поездок в Пекин», «не санкционированное властями Республики Корея посещение Пхеньяна с целью получения новых установок и распоряжений», «использование финансовых средств из КНДР на проведение просеверокорейской

деятельности», «передача Пхеньяну служебной информации из правительственных учреждений Южной Кореи» и, наконец, «создание на территории Республики Корея прокоммунистической и просеверокорейской организации *Ильсимхве* — Общество единомышленников»²⁷. Одним словом, в арсенале следственных органов были задействованы все без исключения признаки преступных деяний, оговоренные в ст. 1 и 4—9 ЗНБ²⁸. К началу ноября главные обвинения были предъявлены Чан Минхо, гражданину США, которому удалось вовлечь в преступную деятельность Общества единомышленников не менее 10 чел.²⁹

После шока, связанного с проведением в КНДР ядерных испытаний, южнокорейская общественность на удивление спокойно восприняла задержание ведущих функционеров одной из оппозиционных партий, представленной в парламенте, и группы «северокорейских шпионов». Руководство ДРП расценило события как «новый виток охоты за ведьмами на основе отжившего свой век Закона о национальной безопасности»³⁰ и провело несколько партийных митингов, но их демарши не получили поддержки ни активных в политическом отношении средств массовой информации, ни рядовых граждан.

Остается надеяться, что это лишь временное явление, а не общая тенденция, демонстрирующая терпимое отношение южнокорейского общества к законодательству в сфере национальной безопасности в новой внутриполитической ситуации, связанной с нарастанием ядерных амбиций и возможностей Северной Кореи. В любом случае время для выводов пока не наступило, по крайней мере, следует дождаться исхода *Ильсимхве* саккон — дела «Общества единомышленников»*, которое имеет все основания стать прецедентом применения Закона о национальной безопасности в новых, неблагоприятных, с точки зрения перспектив демократического процесса, обстоятельствах, сложившихся на Корейском полуострове осенью 2006 г.

И всё же демократизация внесла немало изменений в юридическую сферу РК, одним из её результатов стало привлечение к уголовной ответственности бывших президентов Чон Духвана и Ро Дэу, которым инкриминировали организацию государственного переворота и массовые убийства гражданского населения в г. Кванджу в 1980 г. Несмотря на принятое в связи с этим специальное заявление Конституционного суда о том, что существование «определенного исторического периода, когда Корея являлась государством с ограниченными свободами»³¹, не противоречило законодательству страны, оба подсудимых были признаны виновными.

Для многих жителей Южной Кореи и иностранцев судебное преследование двух лидеров диктаторского режима V Республики означало разрыв с авторитарным прошлым страны, надежду на окончательный отказ от его наследия. В связи с этим многие «специальные уголовные законы», связанные с подавлением политических противников диктатуры, были

* К первым числам ноября 2006 г. специальная следственная группа в составе представителей прокуратуры и Национальной службы разведки РК сформулировала основные положения уголовного дела о просеверокорейской шпионской организации «*Ильсимхве*».

существенно пересмотрены и даже отменены. Однако и сегодня сохраняется действие некоторых из них, связанное с существенным ограничением свободы.

Под влиянием демократического процесса некоторые элементы пенеитарной системы Южной Кореи и жестокая практика исполнения наказаний, которые ранее воспринимались как норма, сегодня считаются явным анахронизмом; их пытаются модифицировать применительно к новым условиям, однако такая либерализация касается исключительно условий содержания арестантов, но не отношения к «враждебным элементам». Правозащитники и многие юристы РК настаивают на кардинальном пересмотре ряда законов, но власти предпочитают не слушать их мнения и больше не прибегают к ревизии законодательства, на которую они вынуждены были согласиться в конце 1980-х и в 1996—1997 гг. Ряд депутатов Национального собрания при поддержке демократической общественности неоднократно вносили в соответствующие парламентские комиссии предложение о пересмотре Закона о национальной безопасности с тем, чтобы уголовному преследованию подлежали лишь лица, действия которых действительно серьёзно угрожают национальной безопасности или демократическому правопорядку. К сожалению, два последних южнокорейских президента — Ким Тэджун и Но Мухён, — несмотря на частые популистские высказывания в пользу либерализации законодательства, с точки зрения реального развития юридической реформы следуют в рамках привычного консервативного курса. Ещё большестораживают неблагоприятные для развития демократического процесса условия, сложившиеся на юге Корейского полуострова в связи с ядерными испытаниями в КНДР.

-
- ¹ Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях // МЭИМО. 1999. № 5. С. 85.
 - ² (См.: Dogan M. *Erosion of Confidence in Advanced Democracies* // *Studies in Comparative International Development*. Fall 1997.). Собранные материалы позволяют прийти к выводу о хроническом разочаровании и повсеместном дефиците доверия населения развитых демократических стран по отношению к основным государственным и общественным институтам.
 - ³ Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях // МЭИМО. 1999. № 5. С. 85.
 - ⁴ См., например: *Korean Society: Civil Society, Democracy and the State* / Ed. By Ch. Armstrong. London; N.Y., 2002. P. I.
 - ⁵ Закон о национальной безопасности Кукка поанпоп был принят 19 января 1949 г., в 1980 г. введена в действие новая редакция закона (Закон № 3318), последние изменения внесены в 1994 г. (Закон № 4704).
 - ⁶ Закон о надзоре в сфере безопасности Поан кванчхальпоп был принят 16 июня 1989 г. (Закон № 4132), последние изменения внесены 22 ноября 1991 г. (Закон № 4396).
 - ⁷ Закон о поддержании общественного порядка Сахве похопоп был принят 18 декабря 1980 г. (Закон № 3286), последние изменения внесены 12 декабря 1996 г. (Закон № 5179).
 - ⁸ Подробнее о событиях лета 1987 г. см.: Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток, 2003. С. 110—136; West J., Baker E. *The Constitutional Reforms in South Korea: Electoral Processes and Judicial Independence* // *Human Rights in Korea: Historical and Policy Perspectives*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1991. P. 221—223 и др.

- ⁹ В отечественной историографии политическая история РК подразделяется на этапы, связанные с развитием её политической системы: I Республика (1948—1960), II Республика (1960—1961), III Республика (1963—1972), IV Республика, или режим Юсин (1972—1979), V Республика (1980—1987) и ныне существующая VI Республика (с 1988 г.).
- ¹⁰ Подробнее см.: Cho Kuk. Unfinished «Criminal Procedure revolution» of Post-Democratization South Korea // *Denver Journal of International Law and Policy*. 2002. Vol. 30. № 3.
- ¹¹ Уголовный кодекс РК Тэханмингук Хёнъпопчон принят 18 сентября 1953 г. (Закон № 293), последние изменения внесены 13 декабря 1997 г. (Закон № 5454).
- ¹² Тонъя Ильбо. 2004. 25 авг.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Сеульский вестник. 2004. 25 авг. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://vestnik.tripod.com/novosti04-II/082501.html>. [Дата обращения: 27 августа 2004 г.].
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Международное радио Кореи. 2004. 5 сент. [Электронный документ]. Режим доступа: http://rki.kbs.co.kr/src/news/news.asp_20040905. [Дата обращения: 12 сентября 2004 г.].
- ²⁰ См.: Кукка ингвон вивонхепоп (Закон о Национальной комиссии по правам человека). 24 мая 2001. (Закон № 6481).
- ²¹ Кукка поанпопыль мухёро хаджа (За отмену Закона о национальной безопасности). Сеул: Минбёнъ (Национальная ассоциация адвокатов за демократию и демократическое законодательство), 2004. Неопубликованные материалы. С. 116, 118, 121.
- ²² Выборка авт. по: Кукка поанпопыль мухёро хаджа (За отмену Закона о национальной безопасности). Сеул: Минбёнъ (Национальная ассоциация адвокатов за демократию и демократическое законодательство), 2004. Неопубликованные материалы.
- ²³ Мэиль Синмун. 2001. 12 дек.
- ²⁴ Синсинмун. 2003. 25 окт.
- ²⁵ Синсинмун. 2004. 12 марта.
- ²⁶ Чунъанъ Ильбо. 2006. 27 окт.
- ²⁷ Korea Herald. 2006. November 1.
- ²⁸ См.: The National Security Law // *Human Rights and Democracy in South Korea*. November 1976. Tokyo: General Association of Korean Students in Japan, 1976. P. 102—104.
- ²⁹ Korea Herald. 2006. November 2.
- ³⁰ Чунъанъ Ильбо. 2006. 30 окт.
- ³¹ Korean Constitutional Court. Decision on February 16, 1196 // *Materials of Korean Constitutional Court*. 86 HeonBa. № 713. P.9.

SUMMARY: «Modern Political System of Republic of Korea. Legislation in the Sphere of National Security» is the title of the article of Candidate of Historical Sciences I. Tolstokoulakov. Democratization in South Korea has a grate influence upon the juridical sphere of the state. The legislative changes coincided with social and political renewal of Korean society. The article is dedicated to history of inauguration, partial revision and modern contents of three «special criminal acts». The author traces the position of the National Security Act as basic law in previous and modern political systems of South Korean state, playing the primary attention to it's punitive usage in relations with political opposition to authoritarian regime.